

Голубые пути цивилизаций

Вокруг Света Журнал
№1 (2628) Январь 1978
Рубрика «Без рубрики»

За последние несколько лет прошел ряд международных научных совещаний, посвященных древним культурам Сибири и смежных с ней территорий Азии и Северной Америки. В конце 1975 года такая конференция с участием ученых из СССР, США, Японии, Канады и Венгрии проходила в Новосибирске, а в октябре 1977 года состоялся советско-американский симпозиум в Вашингтоне.

Темы, которые обсуждали исследователи, касались далекого прошлого — каменного века. Но выводы, которые были сделаны из фактов многотысячелетней давности, нашли непосредственный отклик в проблемах наших дней...

Долгое время за аксиому принималось мнение, что моря и океаны — особенно океаны — разъединяли народы. Эта точка зрения основывалась на том, что у наших предков якобы не было достаточно надежных средств для дальних путешествий по воде. Беспочвенность этих утверждений сейчас убедительно опровергнута.

Например, военные суда жителей острова Таити могли брать на борт до трехсот человек. И только европейские парусники нового времени превзошли их по мореходным качествам.

Для полинезийцев почти весь Тихий океан был хорошо изученным «морем». Причем во время этих плаваний полинезийцы пользовались самыми настоящими навигационными картами. Правда, в отличие от нынешних эти карты не были начерчены на бумаге — они были сплетены из прутьев. Для непосвященного они могли сойти за детскую игрушку или забавную головоломку. Однако штурманы древности прекрасно разбирались в них, хорошо понимая, какие прутья указывают направления морских течений, какие — господствующие ветры, какой камешек в переплетении ветвей соответствует определенному острову, а какой — материковому побережью. С расширением зоны морских путешествий в эти карты вплетались все новые прутья, а камешков — вновь открытых земель — становилось все больше и больше.

Морскими «волками» были не только обитатели южных морей. Эскимосские байдары с каркасом из костей морских животных и кусочков дерева, обтянутые моржовыми шкурами, могли вмещать до сорока человек. В сказаниях же нивхов прямо говорится о том, что их предки иногда уходили в морские странствия, длящиеся многие годы. Из устных рассказов, передававшихся из поколения в поколение, мы узнаем, что, когда путешественники возвращались, их «дети уже были взрослыми».

В дальние странствия нивхские рыбаки брали с собой лодки, нарты и собак: они заранее знали, что все это им понадобится, так как выезжали не просто порыбачить, но в длительное путешествие и по морю и по суше. Летом сани можно везти в лодке, а зимой — лодку на санях. И данные археологических раскопок подтверждают, что такие выезды на «рыбную ловлю», о которых упоминается в легендах, могли длиться несколько сезонов, а маршруты поездок охватывали огромный ареал — от Северной Японии до Центральной Маньчжурии. Не случайно нивхи могли составлять карты — и весьма подробные — не только земель своего обитания, но и участков земной поверхности, отстоящих на тысячу километров!

Айны — одни из наиболее древних обитателей побережья Японского моря. Но в обычаях, языке, деталях материальной культуры этого народа удалось открыть множество черт, неопровержимо свидетельствующих, что в числе их предков были люди, или пришедшие из Австралии и Индонезийского архипелага, или имевшие контакты с обитателями таких далеких от Японских островов краев! Несомненно, и сами айны имели прямые или косвенные культурно-хозяйственные связи со своими далекими индонезийскими и австралийскими «соседями» по океану.

Итак, в эпоху неолита жители тихоокеанского побережья ездили друг к другу в «гости» вдоль огромной дуги, один конец которой упирался в Индонезию и Полинезию, а другой... — в Полярный круг! Еще недавно подобное утверждение выглядело бы просто антинаучным...

Но ведь подобный вывод неотделим и от другого, так же в корне меняющего некоторые устоявшиеся представления.

Как это ни парадоксально, но почти в любом районе земного шара можно найти племена и народы, которые были полностью изолированы друг от друга, хотя и обитали в пределах сравнительно ограниченных. Культурный обмен между ними зачастую шел такими окольными путями, что порой требовалось время жизни нескольких поколений, чтобы предметы материальной культуры могли проникнуть из одного района в другой. Вероятность встречи с соседями практически равнялась нулю. Что мешало контактам между ними? Бездонные пропасти, скалистые горы, непроходимые джунгли? Было, конечно, и такое. Но порой случалось, что несколько километров каменистого известкового плато становились непреодолимой преградой, за которой начиналась «терра инкогнита». Нужно было обладать фантастической любознательностью, чтобы попытаться преодолеть этот участок. А подчас ее-то и не было. Но ведь общеизвестно — именно постоянные и интенсивные культурно-хозяйственные контакты являлись основой прогресса.

И многочисленные археологические данные показывают: именно те племена и народы, хозяйство и культура которых в переломную эпоху неолита были связаны с океаном, смогли быстрее многих своих «сухопутных» соседей встать на путь дальнейшего прогресса.

Каждый народ веками, тысячелетиями приспособлялся к окружающей природе, стремился максимально использовать ее ресурсы.

Пока в тайге и лесотундре бродили стада мамонтов, люди были полностью обеспечены пищей. Но когда мамонт исчез — в этот критический момент именно прибрежные племена оказались в более выгодном положении. Древние охотники Аляски и сибирского побережья «переквалифицировались» на добычу «мамонтов океана» — китов и моржей. И за сравнительно короткий срок они научились столь же полно использовать этих животных, как прежде мамонтов. Мясо, жир, кровь, печень и так далее стали эскимосским «хлебом». Шкуры — жилищем, лодками, обувью. Кости — орудиями охоты и хозяйства. Сало давало свет и тепло. А если случалось, что океан на какой-то период «оскудевал» своими гигантами, то прибрежные жители использовали в пищу морских ежей, мидий, осьминогов, крабов, водоросли. Естественно, что в трудные времена те, кто связал свою судьбу с побережьем, не обходили проторенных троп к гнездовьям миллионов морских птиц.

И совсем иное положение было у племен, которые остались в тундре... Северный олень еще не приручен. Охота на него с примитивными орудиями дело нелегкое, а по «запасам» мяса олень несравним с мамонтом, к тому же и численность населения хоть и медленно, но неуклонно возрастала. А ученые подсчитали, что в древности все тундры Европы и Азии могли прокормить охотой не более десяти тысяч человек.

Однако и этим не ограничивались трудности тех, кто не нашел дороги к океану. Охотникам за диким оленем приходилось преодолевать вслед за кочевыми стадами немалые расстояния, порой до нескольких сот километров, и жители тундры просто не могли перейти к оседлому образу жизни. А вот океан способствовал именно оседлому существованию. Обитателям побережья не приходилось гоняться за добычей. Дичь, причем очень разнообразная, буквально сама шла к ним в руки. Моржи, словно по расписанию, собирались в тысячные стада на издавна облюбованных ими участках побережья. А один загарпуненный скиталец-кит надолго обеспечивал множество людей питанием. И не случайно прибрежные поселения, открытые археологами, как правило, имеют возраст, измеряемый веками и тысячелетиями. Раскопки, проведенные совместной американо-советской экспедицией под руководством профессора В. Лафлина и академика А. П. Окладникова, показали, что отдельные поселки древних алеутов на острове Анангула имеют возраст до восьми тысяч лет!

Понятно, что такое оседлое существование прибрежных племен привело к развитию более сложных социальных отношений по сравнению с «сухопутными» соседями. У них раньше началось выделение племенной верхушки, имущественное расслоение общества. Не случайно индейцы тихоокеанского побережья Аляски и Канады, так же как и неолитические племена нынешних районов Советского Дальнего Востока и Японии первыми достигли самого высокого уровня социального и хозяйственного развития, который был возможен для доземледельческих племен. А это дало новый толчок для развития и материальной культуры.

Вряд ли стоит говорить, что значит для истории человечества изобретение глиняного горшка. Вполне естественным и неоспоримым еще совсем недавно считало утверждение, что первыми в мире гончарами были земледельцы Передней Азии. Возраст самых ранних керамических изделий определяли приблизительно VII тысячелетием до нашей эры. Последние данные опровергают это утверждение. В кучах раковин, которые скапливались на местах поселения обитателей Японских островов обнаружена керамика, которая по меньшей мере на три тысячелетия древнее! И это вполне объяснимо. Чтобы извлечь без особого труда моллюска из раковины, его нужно предварительно отварить, ибо ракушку, как кусок мяса, на вертел не насадишь. (Правда, у алеутов керамики не было, но они тоже довольно рано поняли, что им нужны какие-нибудь «кастрюли» и в результате научились делать уникальные, не встречающиеся больше нигде в мире емкости из мягкого камня.)

Перечислять научно-технические открытия жителей побережий океана, связанные именно с морским типом хозяйства, можно еще и еще... Но главное — все эти достижения не оставались на «вооружении» отдельных племен, чрезвычайно быстро — по налаженным «океанским дорогам» — распространялись по всему миру.

Пластинчатый доспех, например, легкий и удобный в бою, лишь средние века ставший обычной принадлежностью европейского воина, появился в начале нашей эры на побережье Тихого океана и очень быстро проник к японцам, чукчам, эскимосам, индейцам тихоокеанского побережья Северной Америки.

Отравлять стрелы ядами стали прежде всего в тропиках. Большинство материковых охотников Евразии с этим приемом знакомы не были. И опять-таки не случайно, что это умение вдоль морских побережий проникло к айнам, эскимосам, алеутам, которые отравляли наконечники стрел и дротиков соком ядовитого аконита.

Наряду с предметами материальной культуры «в международный» обмен вовлекались и достижения духовной культуры того или иного народа — сюжеты сказок и мифов, мотивы орнаментов, некоторые обряды и многое другое.

Например, орнамент в форме спирали или завитка восходит к изображению змеи. Его можно найти на деревянных изделиях новозеландских маори, одежде айнов, нивхов и нанайцев. В мифологии этих столь далеко противостоящих друг другу на земном шаре народов, как и у аборигенов Австралии, важнейшее место занимает змей-радуга, или солнечный змей. Случайное совпадение в данном случае исключено. Естественно, при культурном общении слепого копирования не было. Во всех случаях «благоприобретенное» видоизменялось, перерабатывалось, его приспособляли к иным условиям жизни своими средствами и возможностями. Важнейшим орудием для морской охоты у всех прибрежных народов без исключения был гарпун (у эскимосов и алеутов, у нивхов и коряков, и даже у народов столь далекой от них Меланезии). Но одно дело охотиться на моржа, кита или нерпу, а другое дело — на рыбу. Кстати, рыба в разных районах тоже иная. Одним приходилось охотиться на открытой воде, а другим — в узких разводьях между льдин. И на основе общей идеи каждый народ отбирал и развивал то, что было необходимым для его существования.

С тех времен, о которых шла речь на новосибирском и вашингтонском симпозиумах, прошли тысячелетия. И незаметные при жизни отдельных поколений изменения, происходившие в те эпохи, перед глазами исследователей предстают как некая историческая закономерность.

...У разных народов в разные времена бывали критические моменты, когда «привычные» природные ресурсы, необходимые для существования, оказывались исчерпаны. И чаще всего в такие решающие моменты именно океан становился «Землей надежды». Этот «поворот к морю» не только позволял племенам и народам выжить и сохранить свою культуру, но и открывал совершенно новые возможности для ее развития...

Вот эта итоговая мысль и была мостом, перекинутым от чисто академического разбора неолитических времен в современность. Ведь и в наше время хорошо освоенные ресурсы суши уже не могут полностью удовлетворять потребности человечества. Да и кроме того, запасы промышленного и пищевого сырья, добываемого на суше, безграничны. И не все, к сожалению, природные материалы можно заменить искусственными — в ближайшем будущем, во всяком случае.

Именно поэтому в наши дни совершенно отчетливо современная научно-техническая мысль обращает свои взоры к океану. Биологи, экономисты, инженеры вплотную занялись решением проблем, связанных с освоением ресурсов океана. И вот оказывается — этот поворот далеко не первый в истории человечества.

И можно сказать, что опыт наших неолитических предков как бы подсказывает оптимистический вывод: Мировой океан и в наши дни становится «Землей надежды» для дальнейшего развития человеческой цивилизации. Что современное освоение его станет основой научно-технических открытий и свершений, столь же эпохальных для хода завтрашней истории, какими были открытия наших далеких предков для становления современной цивилизации.

Арутюнов С., доктор исторических наук, Фельчуков Ю., кандидат исторических наук